

Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования

Л. В. Моисеенко¹, М. А. Викулина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать ключевые факторы конфликтности студенческого межличностного дискурса. В качестве материала для анализа представляются данные опроса, проводимого среди студентов московских вузов. Авторы приходят к выводу, что студенческий межличностный дискурс изначально является конфликтногенным, поскольку предполагает наличие конкуренции и стрессовых ситуаций, связанных с процессом обучения.

Ключевые слова: конфликтногенность, студенческий дискурс, вербальные факторы, паравербальные факторы, поликультурное образование

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003 МОН РЮО_а.

Для цитирования: Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883).

Original article

Conflictogenity Factors of the Student Discourse in the Multicultural Education Environment

Lilia V. Moiseenko¹, Maria A. Vikulina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

Abstract. The article focuses on the analysis of the key conflictogenity factors of the student personal discourse in the multicultural education environment. The results of the interview carried out in a number of Moscow universities has laid the foundation for the analysis. The authors have concluded that the student personal discourse is initially conflict-generating due to competition and education-related stress.

Keywords: conflictogenity, student discourse, verbal factors, paraverbal factors, multicultural education

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project № 20-512-07003 МОН РЮО_а.

For citation: Moiseenko, L.V., Vikulina, M. A. (2024). Conflictogenity factors of the student discourse in the multicultural education environment. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 73–00.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных приоритетных задач в современных условиях является снижение градуса агрессии в межличностном дискурсе. В связи с этим в фокусе внимания исследователей оказываются разнообразные коммуникативные формы речевого поведения, различные виды отношений между участниками коммуникации, а также семантические и прагматические критерии, выступающие в роли маркеров конфликтогенности.

По мере выделения все новых и новых факторов речевого конфликта в лингвистике закрепляются такие термины, как «инвективное функционирование языка», «языковое манипулирование», «речевая агрессия», «лингвистическая экология», «конфликтный дискурс», «конфликтогенность» и др. С целью выявления лингвистических составляющих конфликта исследователи обращаются к грамматическому, прагматическому и синтаксическому анализу письменного текста конфликтного характера.

В. Е. Кейдер акцентирует, что конфликтный дискурс – это коммуникативный акт, имеющий амбивалентный характер, предполагающий взаимодействие людей с различными принципами, доказывающими друг другу свою позицию, и основанный на расхождении оппонентов в понимании другой точки зрения, в связи с чем возникает антипатия оппонентов, которая приводит к оскорблениям друг друга [Кейдер, 2019].

А. Белоус и Н. В. Осолкова понимают конфликтный дискурс как речевое взаимодействие коммуникантов, из-за которого участники испытывают отрицательные эмоции вербального и паравербального воздействия друг на друга, как денотативно-референтную ситуацию, представляющую столкновение целей, решение которых приводит к противодействию, а также как результат процесса реализации различных интенций в речевом взаимодействии коммуникантов [Белоус, Осолкова 2007]. Н. А. Белоус и Н. В. Осолкова выделяют *интенсификаторы* конфликтности (нехватка времени, диссонанс коммуникации и обстановки, иерархическая дистанция, разница воспитания и образования, различное представление о конкретной системе должностования или нормативных функциях, собственно социальное поведение) и *нейтрализаторы* конфликтности (достаточное количество времени, имеющееся в распоряжении коммуникантов; располагающая к общению обстановка; нейтрализованные маркеры иерархической дистанции; приблизительно одинаковые уровни воспитания и образования; представления о конкретной системе должностования или нормативных функциях; собственно социальное поведение) [там же].

Основу конфликтогенного сознания составляют стереотипы, ориентация, предпочтения, тесно связанные с враждебностью. Следовательно, вербального выражения агрессии не всегда достаточно, поскольку семантическая составляющая конфликтного дискурса – это комплексное образование, состоящее из пропозиционного содержания, отношения говорящего и слушающего и пресупозиционной базы речепроизводства дискурса. При этом прагматические маркеры конфликтного дискурса являются структурными элементами потенциального типа [Белоус, Осолкова, 2007].

Конфликтный дискурс формирует поле *дифференциальных* единиц (дискурсов, которые характеризуются прямым и намеренным столкновением коммуникативных целей субъектов) и *потенциальных* единиц (дискурсов, которые характеризуются непрямым и ненамеренным или не всегда намеренным столкновением коммуникативных целей субъектов). *Вербальные средства* являются основной движущей силой, запускающей механизм конфликтного дискурса, при этом план выражения конфликтного дискурса состоит не только из вербальных знаков. *Паравербальными* маркерами конфликтного дискурса можно считать скорость, тон, интонацию речи, а к *невербальным* можно отнести жесты, мимику и «язык тела» (руки в боки, задирание подбородка, «расхаживание» взад-вперед, резкие наклоны в сторону оппонента и т. д.) Среди невербальных средств выражения конфликтности дискурса целесообразно отдельно выделить *позы: нервные* (судорожно сжатые колени в положении сидя), *защитные* (скрещенные на груди руки) и *динамично-агрессивные позы* (разворот тела, чтобы оказаться лицом к лицу с оппонентом).

Большую нагрузку в качестве маркеров агрессии на себя берут вербальные признаки конфликтного дискурса. По мнению психологов, имея необходимую информацию об оппоненте и возможность его предсказать, можно предугадать «направление ударов» и заранее выставить необходимую защиту. Это позволяет не только осознать, когда агрессия или иное проявление конфликтности направлены на вас, но и почувствовать, когда вы допускаете аналогичное поведение в отношении своего собеседника. В данном случае маркеры конфликтности в виде определенных лингвистических единиц представляют собой своего рода лингвистическую опору, «сигнализирующую» о развертывании некоего конфликтного сценария.

К языковым конфликтогенным факторам *на лексико-семантическом уровне* относятся многозначные слова и омонимы вне достаточно развернутого контекста, ненормативная (обценная, инвективная) лексика, негативная оценочная

лексика, слова-агнонимы, а также в ряде случаев сленгизмы, жаргонизмы, арготизмы и т. д. [Крамкова, 2011]. На грамматическом уровне конфликтно-тогенный характер могут иметь местоимения и глагольные формы 2-го лица единственного и множественного числа, местоимение *он* в отношении лица, присутствующего при разговоре, а также императивы, частицы, вводные слова и некоторые синтаксические конструкции [Голуб, 2001]. К прагматическим маркерам относятся различного рода несоответствия, непонимание, нарушение каких-либо правил или закономерностей речевого общения [Третьякова, 2003]. Иными словами, несоответствие речевой формулы социальным характеристикам адресанта и адресата (с учетом возрастных, гендерных, статусных особенностей), целям и задачам говорящего, а также параметрам коммуникативной ситуации (вид, время, место, условия общения) и позиции в общении приводит к изменению ее прагматических характеристик.

Из вышесказанного следует, что конфликтный дискурс не всегда включает конфликтный текст, но может содержать его отдельные элементы. В свою очередь, конфликтный текст может запускать конфликтный сценарий, порождать конфликтный дискурс или содержать потенциальный конфликт.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В рамках исследования был проведен опрос студентов разных курсов, целью которого было подтвердить актуальность уже сделанных ранее выводов относительно маркеров конфликтности студенческого межличностного дискурса, а также обнаружить новые тенденции на основе анализа реакций респондентов. В опросе приняли участие 100 учащихся разных курсов московских вузов. Вниманию респондентов были предложены 16 вопросов, на которые требовалось дать развернутые ответы.

На первом этапе учащимся предлагалось описать свое понимание невербального поведения собеседника, ответив на вопрос: «О чем вам говорят поза, жесты и мимика собеседника?». Далее перечислялись пять возможных вариантов невербального поведения (в данном исследовании мы приводим наиболее частотные ответы респондентов).

1. Сжатые руки и колени в положении сидя

Среди ответов можно выделить наиболее часто встречающиеся:

- 61 % – стресс, тревожность, страх, зажатость, дискомфорт;
- 22 % – нежелание разговаривать / идти на контакт, закрытость;
- 13 % – неуверенность, стеснение, смущение.

Среди нечастотных стоит отметить ответы *обида* (2%), *спокойствие*, *ему так удобно* и отсутствие реакции.

Анализ реакций на данное невербальное поведение позволяет сделать вывод, что, во-первых, респонденты считывают невербальное поведение собеседника примерно одинаково, и во-вторых, характеризуют его как нежелание коммуникации, не обнаруживая при этом скрытой агрессии.

2. Руки в боки, выпячивание груди, развертывание плеч, задираание подбородка

Все респонденты отметили уверенность собеседника в себе: *высокая самооценка*, *раскрепощенность*, *превосходство*, *доминирование*, 4 % охарактеризовали данное поведение как *решимость*, и еще 12 % усмотрели в этом *агрессию* и *готовность к конфликту*.

При этом более половины отвечающих (52 %) негативно отреагировали на подобное невербальное поведение, описав его как *нарциссизм*, *гордыня*, *тщеславие*, *надменность*, *высокомерие*. О негативной реакции также говорят прилагательные *чрезмерная* и *завышенная* в более 50 % ответов (*чрезмерная уверенность*, *завышенная самооценка*) и использование характеристики *самоуверенность*.

3. Суетливые движения рук, «расхаживание» взад – вперед, резкие наклоны в сторону собеседника

Подобное невербальное поведение было истолковано респондентами более неоднозначно. Так, 56 % отметили *раздражение*, *нервозность*, *тревожность*, *волнение* и *панику собеседника*. Примерно в равном процентном соотношении (4–5 %) распределились ответы *суета*, *неуверенность*, *нетерпение*, *страх*. Еще 3 % усмотрели в данном поведении *агрессию*, однако данные реакции являются единичными, и потому не могут относить приведенное невербальное поведение и реакцию на него к маркерам конфликтности. Среди нечастотных реакций стоит отметить *задумчивость* и *ложь*. Интересно, что ряд респондентов затруднились с ответом, что может также косвенно указывать на то, что данное невербальное поведение не оценивается однозначно негативно и не вызывает прямую конфликтную реакцию собеседника.

4. Неподвижная ухмылка, остановившийся взгляд

Подобное невербальное поведение оказалось наиболее неоднозначным среди приведенных потенциальных маркеров конфликтности, так как вызвало диаметрально противоположные реакции респондентов: действия толковались в диапазоне от любви до ненависти в примерно равном процентном соотношении:

- 27 % – задумчивость, сосредоточенность, серьезность;
- 23 % – заинтересованность, влюбленность;
- 22 % – превосходство, надменность;
- 13 % – насмешка, презрение;
- 10 % – безразличие, пренебрежение;
- 5 % – вызов, скрытая агрессия, пассивная агрессия.

Также частотными были реакции *психопат, маньяк* (4 %) и *манипулятор* (3 %). Среди нечастотных реакций стоит отметить *отвращение, стыд* и *что-то знает, о чем не хочет говорить*.

5. Сдвинутые брови, поджатые губы, движение ноздрями

В данном случае невербальное поведение было истолковано респондентами практически однозначно – более 90 % отвечающих отметили *гнев, агрессию* и *злость*, при этом в 63 % ответов одновременно фигурировали варианты *возмущение* и *недовольство*. Еще 22 % респондентов в качестве возможного объяснения одновременно толковали данное невербальное поведение как *задумчивость, концентрацию, напряжение*¹.

Нечастотными ответами можно считать *расстройство, грусть, обида* (менее 8 %).

Таким образом, результаты опроса показали, что невербальное поведение собеседника может являться конфликтным или потенциально конфликтным, когда оно толкуется относительно однозначно и воспринимается как скрытая агрессия, вызывая при этом ответную негативную реакцию. Однако в ряде случаев невербальное поведение может «считываться» по-разному и вызывать отличающиеся (порой диаметрально) реакции у разных адресантов. В данном случае представляется нецелесообразным относить данное невербальное поведение к маркерам конфликтности.

На этапе анализа невербального поведения респондентам было предложено также назвать пять признаков, которые помогают понять, что оппонент

¹При ответе на вопросы респонденты зачастую давали более одного ответа; в некоторых случаях рассматривались альтернативные варианты *или..., или...*

агрессивно настроен. Приведем наиболее частотные ответы:

- нахмуренные / сдвинутые брови
- касания или замашки
- неотрывный взгляд
- поджатые губы
- ухмылка
- сжатые кулаки
- учащенное дыхание
- резкие движения
- красное лицо
- сжатые зубы

Интересно отметить, что значительное внимание уделялось взгляду собеседника, его важность отметили 96 % респондентов. По поводу выражения глаз мнения респондентов разошлись: некоторые считали характеристикой агрессии *широко открытые / выпученные глаза*, другие – *прищуренные глаза*. Однако более 90% ответов содержали характеристики взгляда, позволяющие оценить степень агрессии – *пристальный, дикий, злой, хмурый, звериный, налитый гневом; огонь в глазах* и т. п.

Более 90 % респондентов отметили также вербальные признаки агрессии: *резкая грубая речь, повышенные тона, крик, подкалывания, сарказм, нецензурные выражения*. Важно отметить, что триада *взгляд – жесты – речь* присутствовала в 84 % ответов, что говорит о возможности более или менее однозначной оценки настроения собеседника лишь по совокупности признаков.

На этапе анализа вербального поведения респондентам были предложены конфликтные ситуации, и заданы вопросы: Что указывает, по вашему мнению, на конфликтный характер ситуаций в приведенных ниже примерах? Почему у собеседников возник конфликт? Отметьте слова или выражения.

А: Закрой окно, мне дует.

Б: *С ума сошел!* Жарко же, дышать нечем!

А: Если я простужусь, *это будет на твоей совести*.

Все респонденты отметили также выражения *с ума сошел* и *это будет на твоей совести* в качестве указывающих на конфликтный характер ситуаций, тогда как причины конфликта продемонстрировали большее разнообразие восприятия: 87 % респондентов отметили в качестве причины конфликт интересов, разногласие и разные цели, при этом 68 % добавили к этому нежелание идти на компромисс, игнорирование интересов другого, безразличие к чувствам других и эгоизм. Более 20 % отвечающих охарактеризовали данную ситуацию как манипуляцию, унижение

и культивирование чувства вины. Нечастотными ответами являются *слишком импульсивный собеседник, нет вежливости / уважения друг к другу, грубость*. Единичный ответ *разное кровообращение*, вероятно, также вербализует идею конфликта интересов ввиду разных физиологических особенностей собеседников.

- А: Смотри, какая чудесная погода, пойдём погуляем!
Б: *Не вижу ничего чудесного*, осень – это всегда депрессия. Хочется сидеть, укутавшись в плед, и слушать грустную музыку.
А: Но ты же обещала, что мы пойдём гулять. *Вечно ты всё портишь...*

Чаще всего в качестве вербальных маркеров конфликта интересов указывались *не вижу ничего чудесного и вечно ты все портишь*. При этом в качестве глубинных причин конфликта отмечались давление, нарушение границ, отсутствие эмпатии, разное настроение, разные взгляды, разное восприятие, обвинения, обида, неприятие чужого мнения и эгоизм (87 %). Интересно отметить, что респонденты одинаково частотно (40–50 %) занимали и позицию одного собеседника, обвиняя в нарушенных обещаниях (*нарушение обещаний, безответственность, нарушение обязательств, неоправданные ожидания, отмена планов* и т. д.), и позицию другого, предъявляя претензии в непонимании и невнимании (*нарушение границ, отсутствие эмпатии, разное настроение*).

Таким образом, лексемы или более сложные языковые единицы, вербализующие конфликтную ситуацию, распознаются участниками дискурса однозначно, однако мотивационные составляющие, равно как и причинно-следственные связи, порождающие конфликт, устанавливаются индивидуально, в зависимости от приобретенного индивидуумом личного опыта.

Учитывая степень важности вербальных маркеров конфликтогенности в студенческом дискурсе, на следующем этапе опроса респондентам были предложены вопросы, касающиеся непосредственно употребляемой во время конфликта лексики.

В первую очередь студентам было предложено оценить уровень агрессии и конфликтности в студенческой среде: *Считаете ли Вы студенческую среду конфликтной и почему?* Представляется важным отметить, что положительный ответ на этот вопрос дали 88 % респондентов, что может говорить о том, что конфликтно-соревновательный характер отношений ощущается в той или иной мере всеми участниками студенческого дискурса. Тем не менее стоит отметить и разъяснения, которые предложили некоторые опрашиваемые.

- культурно-ценностные конфликты (*личные разногласия, разные мнения, ценности, культуры, воспитание*);
- условия взаимодействия и атмосфера в студенческой среде (*конкуренция, соревнование, конфликт интересов, стресс*, и как результат, *нервозность и агрессия*);
- особенности личностного развития: (*юношеский максимализм, неумение идти на компромисс, неумение выражать свои мысли*).

Среди факторов назывались также вынужденное пребывание в одной группе с людьми, которые вызывают отрицательные эмоции или обучение с ними на одном курсе, равно как и *крайние обстоятельства* (последнее респондентами не разъяснялось).

На следующем этапе студентам было предложено назвать слова и выражения, которые можно считать наиболее оскорбительными в студенческом коллективе. Среди них также можно условно выделить несколько категорий. Это оскорбления, обесценивающие:

- умственные способности лица: *ты ничего не знаешь, не делаешь, какую глупость спорил, это не твое, самый умный?, дура / дурак, тупица, дебил* и т. д.;
- его успеваемость и отношение к учебе: *прогульщик, бездельник, лодырь, неуч, бездарь, балбес, не знаешь – заткнись!, ничего не умеешь* и т. д.;
- его значимость в будущем и перспективы личностного и профессионального развития: *ничего не получится, будешь в Маке торговать, никчемный, неудачник, вечно ты все портишь* и т. д.;
- качества, имеющие значение для успешного социального взаимодействия (*зануда, душнила, какой же ты душнила, ты душный, слаботоксичный* и т. д.).

Отдельно стоит отметить приведенные респондентами нецензурные выражения, относящиеся к данным категориям. Также (в меньшей степени) назывались оскорбления, относящиеся к аспектам *личной жизни и внешнему виду* (*вес / очки / телосложение / урод* и т. д.)

На этом этапе эксперимента нами была выделена еще одна категория вербальных маркеров конфликтности, касающаяся обесценивания непосредственно мнения индивидуума: *не твое дело, я лучше знаю, рот закрой, заткнись, помолчи, тебя никто не спрашивает, уйди, отвали, не лезь* и т. д.

При ответе на вопрос: *Какие слова и выражения Вы избегаете, чтобы не провоцировать конфликт при взаимодействии со сверстниками?* – многие отвечали коротко, односложно, одним словом, некоторые респонденты вовсе не дали ответ. Среди

названий преобладали следующие языковые единицы: *тупой, рот закрыт, душный, глупый, бесполезный, манипулятор, дурак, урод, чурка*.

97 % респондентов при ответе на вопрос: *Сталкивались ли Вы с проявлением речевой агрессии со стороны преподавателей или одногруппников?* ответили положительно. Среди видов речевой агрессии преобладали: враждебное замечание (40 %), порицание (36 %), оскорбление (26 %), грубое требование (20 %), чрезмерный крик (16 %). Реже всего респонденты сталкивались с угрозами – 6 %¹.

В целом отличительными конфликтогенными чертами студенческого дискурса, по мнению респондентов, можно считать оскорбление, унижение, грубость, мат, грубые высказывания, сарказм, иронию, злые шутки, насмешки, игнорирование, вербализацию чужих недостатков, соревнование за рейтинг / оценки, провокация. При этом лидирующие позиции в ответах (56 %) занимают сарказм, ирония и насмешки.

И наконец, на вопрос: *Считаете ли Вы, что скрытая вербальная агрессия (манипулятивные вопросы, намеки, саркастические или ироничные замечания) может помочь добиться своих целей?* только 12 % респондентов ответили отрицательно; подавляющее большинство (69 %) дали положительный ответ; еще 18 % ответили положительно, но с оговоркой, что это зависит от целей и от ситуации.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

- 1) студенческий межличностный дискурс можно назвать по умолчанию конфликтогенным, поскольку связан с постоянной конкуренцией

¹Респонденты сочли важным перечислить все виды агрессии, с которой они сталкивались; при описании результатов мы приводим наиболее частотные

в учебе и стрессом, сопровождающим большинство ситуаций обучения;

- 2) культурно-ценностные конфликты в условиях взаимодействия в студенческой среде и особенности возрастного и личностного развития молодежи представляют собой важнейшие факторы, которые стоит принимать во внимание;
- 3) для обучающихся невербальное поведение собеседника может являться конфликтогенным или потенциально конфликтогенным, когда оно толкуется относительно однозначно и воспринимается как скрытая агрессия, вызывая при этом ответную негативную реакцию. Тем не менее, определенные моменты невербального поведения могут трактоваться по-разному в зависимости от индивидуального опыта;
- 4) вербальное поведение распознается участниками дискурса относительно однозначно, однако лежащие в основе высказываний причинно-следственные связи, порождающие конфликт, устанавливаются индивидуально, также в зависимости от приобретенного личного опыта;
- 5) в студенческом дискурсе наиболее конфликтогенными являются вербальные маркеры, затрагивающие *умственные способности респондента, его самооценку или ценность в собственных глазах*, тогда как социальные качества, внешний вид, этническая / национальная принадлежность и религиозные взгляды отходят на второй план, если вообще могут являться причиной конфликта;
- 6) в ходе проведенного исследования в качестве факторов конфликтогенности студенческого дискурса не было выявлено оскорблений, связанных с национальными, этническими, культурными или религиозными признаками, что, на наш взгляд, является крайне важным для развития моделей поликультурного образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кейдер В. Е. Понятие конфликта и конфликтного дискурса // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 486–488. URL: <https://moluch.ru/archive/262/60483/> (дата обращения: 10.09. 2023).
2. Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4. Ч. II. С. 96-107
3. Крамкова О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 332–335.
4. Голуб И. Б. Упражнения по стилистике русского языка. М.: Рольф, 2001.
5. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. URL: http://proceedings.usu.ru/proceedings /N27_03/win/16.ht ш1 (дата обращения 10.09. 2023).

REFERENCES

1. Kejder, V. E. (2019). Ponjatie konflikta i konfliktnogo diskursa = The concept of conflict and conflict discourse. *Molodoj uchenyj*, 24(262), 486–488. <https://moluch.ru/archive/262/60483/> (date of access: 10.09.2023). (In Russ.)
2. Belous, H. A., Oskolkova, N. V. (2007). Konfliktnyj diskurs vs konfliktnyj tekst = The conflict discourse and the conflict text. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 4(II), 96–107. (In Russ.)
3. Kramkova, O. V. (2011). Jazykovye i pragmaticheskie faktory konfliktogennosti = Language and pragmatic factors of conflictogenity. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6(2), 332–335. (In Russ.)
4. Golub, I. B. (2001). *Uprazhnenija po stilistike russkogo jazyka = Exercises on stylistics of the Russian language*. Moscow: Rolf. (In Russ.)
5. Tret'jakova, V. S. (2003). Konflikt kak fenomen jazyka i rechi = Conflict as a phenomenon of the language and speech. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, 27. http://proceedings.usu.ru/proceedings/N27_03/win/16.ht sh1 (date of access: 10.09.2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеенко Лилия Васильевна

доктор филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Moiseenko Lilia Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law
Moscow State Linguistic University

Vikulina Maria Alekseyevna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.11.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.12.2023	
принята к публикации	22.01.2024	